

Всё брошу однажды...

*философская
лирика*

Сергей Минский

Сергей Алексеевич Минский

Всё брошу однажды...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68964471

SelfPub; 2023

Аннотация

Размышления о жизни и ее вывертах, вынуждающих задавать себе непростые вопросы: и кто мы такие, и для чего пришли в этот мир. Жаль только, что вопросы эти так и остаются без удовлетворяющих сознание ответов.

Сергей Минский

Всё брошу однажды...

О жизни

Всё как-то просто до обиды...

Всё как-то просто до обиды

(Чтоб не напутать, не забыть):

Родился – нацепили бирку,

И умер – бирку, стало быть.

Мне – семнадцать, и пока...

Мне – семнадцать. И пока -

Что мне времени река?

Я лежу на сеновале.

Что смотрю из сорока

На себя чуть свысока,

Понимаю я едва ли.

Я снова зажигаю...

Я снова зажигаю

Забвения свечу.

В ней ватную угарность

Почувствовать хочу.

Хочу, чтоб всё, что вижу,

Ушло за окоём,

Чтоб Голос слышать свыше,

Чтоб с Богом быть вдвоем.

Я встану на колени -

И, может, наяву.

Калика я, калека,

Пугающий молву.

Гонимый бранным словом,

Непонятый толпой,

Я оживаю словно,

О Господи, с тобой.

Единственная тема:

Я в Нём и Он во мне.

Жизнь – пляшущие тени

В зашторенном окне.

Там я чужой почти что -

Вуаль важней лица:

Обманутый мальчишка

Во власти подлеца.

Но путь уже прочерчен -

Оскомина в зубах.

Прошу за все прощенья

За всех, но от себя.

Я зажигаю снова

Забвения свечу,

Я открываю слово,

Взлетаю и лечу.

Из цикла "Пляшущие тени"

Толпа

1.

Гнетущее приходит состоянье,

И круг молвы сужается на нет.

В спираль времён закованы изъяны,

Как в звёздные разложены карманы

Игрушки-судьбы, спутницы планет.

Ночная мысль – кошмар, вершина страха,

Случайность встречи ищущих любви -

Врывается залитой кровью плахой,

И хочется, и невозможно плакать,

А жизнь вокруг – прекрасная на вид.

А жизнь в насмешку выставляет счастье,

Как лавочник, удаче гимн поёт.

И смех вселенский, и народ кричащий,

Изведавший концов земных начала,

Снимает головы и кровь на плаху льёт.

И тошнотворно запекаясь в студень

Итогом зрелища разнузданной толпы,

Не кровь она – боль обойденных судеб

В игре насмешливой словечек неподсудных,

В реке молвы, где плыть и не доплыть.

И плачется без слез, без облегченья

Игрушкам-судьбам, спутницам планет.

В пыли толпы их путь уже начертан.

Но дарит мысль оттенки и значенья

Всему тому, чего в помине нет.

2.

Штурм – день в день:

И толпа – на срыве.

Бьет край дел -

Падают слова.

Мозг лжет вслух

В праведном порыве.

Гонг стал глух -

Кругом голова.

Льет шар зной

В русла серых улиц.

Стал жар сном

В мутной влаге глаз.

Жизнь есть дождь

В этой груди ульев.

Дождь есть долг -

Мозг опять солгал.

Лист впал в грусть,

Потеряв упругость.

Гнев жжет грудь -

Грубо жмет толпа.

Ждать сил нет -

Глас взывает трубный.

Льет шар свет,

Но толпа – слепа.

3.

Закроются ставни.

Козлом перекрестие ляжет.

Закончилась старость

И в землю уходит поклажа.

Душа загорится,

Нагою представ перед миром,

Как женщины-жрицы -

Всех магий, любви и кумиров.

Эфир вдруг настигнет

Кривыми всех диапазонов,
Как золото в тигле
Огонь настигает зажженный.
Огонь очищенья -
Толпы отрезвляющий рокот:
Прощанья, прощенья -
Во всем отведенные сроки.
Прощаются гости,
Уходят, забыв о поклаже:
Она на погосты,
Как в свалку великую ляжет...
Закончилась старость.
Прошли поминания сроки.

И только остался

Толпы загостившейся ропот.

Когда почти уходят мысли...

Когда почти уходят мысли

И пустота сосёт как голод,

Безумства обещает город -

Шары блаженств из пены мыльной.

Бахвальство бредит откровеньем,

В чести минутной разбухая,

И совесть, ко всему глухая,

Не дарит ясности мгновенной.

Увижу вдруг святое мелким,

И даже откровенно чуждым.

И снова проморгаю чудо

В угоду этому похмелью.

Синева

Синева за окном, синева.

Синий снег под темнеющим небом.

Был ли там я? А может, и не был.

Может быть, это просто слова.

Может быть это просто мечта,

Боль о несостоявшейся встрече,

Боль о дне, обещавшем мне вечер?

Впрочем, всё – суета-маета.

Синева на душе, синева,

Обрамлённая небом и снегом,

И Венеры неяркая нежность,

И отчаянье, будто снова.

И дымов, и столбов, и дорог,
С перестуком колёс подо мною,
Много этой промчало зимою,
Словно мыслей, рождённых не в срок.
Пролетело открытий и строк,
И плацкартных надуманных истин,
И невыплаканных сердцем исков,
Ледяных на перронах ветров.
Стала реже в душе синева,
Растворяясь – никчемная гордость –
В море слёз, в человеческом горе,
В бесполезных, ненужных правах.

Ку-ку (шуточное)

Воскресный лес.

Весна уже в разгаре.

Подкидыш кличет, словно на часах.

Я попросил его мне дать разгадку:

Когда же мой черёд – на небеса.

И, верите ли, так вдруг стало страшно:

В желудке пустота и холодок.

Мне показалось (что, пожалуй, странно),

Что я попал к циклопу на ладонь.

И жизни срок зависит от момента

Хлопка легчайшего ладони о ладонь...

Подкидыш мне своих «ку-ку» отмерил

Всего четыре – будь неладен он.

Потом, немного помолчав, добавил

Ещё тринадцать, редких и не в ритм.

Потом ещё.

И стало мне забавно:

Ведь так он пропоёт мне до зари.

За сотню счёт.

Плюс тридцать.

Вспомнил фразу,

Её озвучив: "Хватит за глаза".

Но те четыре самых первых раза

Кукуют в сердце, заглушить нельзя.

Осеннее настроение

Причудливый узор:

сквозь папоротник – тюль.

Рассвета нет ещё,

но чувствуется он.

Мой сон ушёл бродить -

где балом правит нуль,

Где мнится переход

из сумеречных зон.

Там я опустошён,

я – вакуум причин,

Я – мудрость бытия,

наивность чистоты.

Там от земных скорбей

моя душа кричит.

Там равен Богу я,

там снова с ним на "ты".

И вечный вестник встанет предо мной...

И вечный вестник встанет предо мной,

И сорок вёрст останется за мною

В том мире, за невидимой стеною,

Где испытанья срок прошёл земной.

Лишь омрачит привязанностей тлен,

Пусть не на долго и не сильно очень,

Чтоб я, соединяясь с ночью,

Привет последний отослал Земле.

Настроение

Кровавая заря

напомнила о жизни,

Где я когда-то был,

а, может быть, и есть,

О сущности любви,

до беспредела лживой,

В которой всё сгорит:

талант, и ум, и честь.

О, женщины судьбы,

как грустно в вас поверить,

Как сложно вас постичь

из меркантильных снов.

Увы, не будет вас

у многих нас вовеки,

А потому не все

мы выйдем из основ.

Сегодня требовать...

Сегодня требовать,
чтоб завтра стало стыдно.

Зачем-то брать,
не зная как вернуть.

И нынче праздновать,
готовя день постылый.

Спешить домой,
чтобы собраться в путь.

Не жизнь в судьбе -
судьба в согбенной жизни:

Ждёшь горя там,
где слишком хорошо,

И собираешь

бедные пожитки

На век свой длинный,

что уже прошёл.

О смерти

1.

Холодно и поздно.

Горечь пустоты.

Этот вечер звёздный -

Вечер без мечты.

Он прикосновенье

К суете сует,

Где проникновенье -

Ночниковый свет.

Дремлется сиделке.

Ртуть звезды – в окно.

Не согреют грелки

Задубелых ног.

Полубред постельный

Есть последний сон.

В отходящем теле

Жизнь итожит он.

В чуть живое тело

Память-сон смотреть

В предрассветной темени

Приплетется Смерть.

2.

Её покрывала

Не знать бы вовек:

И трупов навалом,

И резаных вен.

Удушенных газом,

Подушкой во сне

Не видеть бы глазом,

Не слышать бы мне.

Не видеть ребёнка

Во мгле при свечах,

Когда в перепонках

Надрывы звучат.

Не слышать молитвы

На дне старика,

Не видеть налитым

Под хлебом стакан.

Не знать бы мне горя

Утраченных грёз,

Не пить бы мне горькой

На празднике слёз.

Свечи огарок на столе

Мело, мело по всей земле...

Б. Пастернак

Свечи огарок на столе

Почти не светит:

Торчит оплавленный скелет,

Уходит вечер.

Здесь Вечность правила ключи

Или обиды,

В ночи, в кругу своей свечи

Меня любила.

Смертельный навевала код

Стихов полночных,

Чтобы мучительно-легко

Я жил построчно.

Свеча горела на столе.

Но лгу, свеча ли?

И в январе, не в феврале...

Давай сначала.

Свечи огарок на столе

Почти не светит:

Торчит оплавленный скелет,

Уходит вечер.

Он растворяется во мне,

И в полудрёме

Я вижу Время на стене:

Оно в короне.

Любовь проявленная – тлен,

Я – сын предела...

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

Есть в тесноте житейской свой кошмар...

Есть в тесноте житейской свой кошмар:

Пустые речи – преисподней муки:

Абсурдность слов и бесполезность звуков,

Таких тоскливых, как ночной комар.

За что мне, Боже, этакий укор -

Мечтать о келье с ватными стенами:

Чтоб бесы, где-то плача и стеная,

Моею не могли водить рукой.

Но, Господи, какой же это вздор,

Когда вокруг все корчатся и воют,

Я разрушаюсь изнутри безвольно,

И болью отдается каждый вздох.

И тяжелеет левая рука,

И правая расстегивает ворот.

А память слепо открывает створки

Той жизни, что забыл пока.

Я слышу колокольный перелив,

Ловлю наивность песни хороводной,

И теплые качающие волны

Меня влекут в объятия Земли.

А рядом незнакомые черты

И о хорошем шепчущие губы,

И я жалею женщину другую,

И вдруг осознаю, что это ты.

И понимаю: ведь не я – другой,

И все же я... И хочется очнуться,

Тебя такой, как ты сейчас, коснуться,

Такой, до слез забытых, дорогой...

А сквозь слои непрошенных веков

Уже сочатся вечные болезни:

Абсурдность слов и звуков бесполезность,

И неизбежность временных оков.

Наш паровоз вперёд летит

Бушует страстей столкновенье -

Война оппозиций и поз:

Низвергнут с высот идол-гений,

Ушел под откос паровоз.

Курьезы сменяют курьезы

В жестоком сближеньи планет:

О сколько же здесь берлиозов,

А скольких в помине уж нет.

В объятиях странных пространство

Со временем – слез наших соль,

Сиамское тесное братство,

Давильни людской колесо.

Бушует страстей столкновенье,

Расходятся Вера и Бог.

Слетают песчинки-мгновенья

На тысячелетья эпох.

Льют аннушки масло и слезы

На камни веков-мостовых,

И шеи трещат берлиозов,

И сколько еще будет их.

И новых их вдавят в пространство,

Поставив тавро у виска,

И двинется время бесстрастно

В иные века.

А пока...

Бушует страстей столкновение -

Война оппозиций и поз:

Низвергнут с высот идол-гений,

Ушел под откос паровоз.

Рождаюсь – я чувствую это...

Рождаюсь – я чувствую это,
Рождаюсь в мучительных схватках:
Как зверь изменяет повадкам,
Так я изменяю заветам.

Заветы и снова заветы,
А это лишь страх поколений,
Лишь опыт кровавой планеты,
Такой голубой из вселенной.

А это лишь генов удушье,
А это лишь генов презренье:
Кому-то от умности душно,
Кому-то и глупость прозренье.

И воспоминаний за далью
О жизни, что "жить надо умно",
Я чувствую где-то – рождаюсь,
Но чтобы понять, что я умер.

Из цикла "P.S." Конец 80-х.

Я распахнул окно...

Я распахнул окно,
и ночь вошла желаньем,

И запахами звезд
в мерцании листвы.

Я душу распахнул,
чтобы понять – жива ли

Еще во мне душа
или уже – увы.

Я ночь вдохнул, и сон,
а, может, жизнь другая

Сочиться из меня
слезами стала вдруг.

И чувственный поток
сорвался, как бы каясь,

Пошел наружу, вон,
прервав судьбы игру.

Я плакал – и навзрыд,
как женщина, как мальчик,

Уже не видя звезд,
не смысла ни о чем.

Омытая душа
в себя смотрелась молча:

Так в зеркале свеча
освещена свечой.

Я бездну лет простить себе готов...

Я бездну лет простить себе готов

И тьму причин, и странных следствий сонм,

И кучу Новых без тебя годов,

Прошедших странным и единым сном.

Да все как сон, и виденный не мной:

Как будто где-то кто-то рассказал.

Там все придумано: и я, и свет дневной,

И ты в слезах, и идол наш – вокзал.

Я прохожу сквозь строй ушедших лет,

Прощая им жестокости и боль,

И то, что счастья не было и нет,

Как и любви. А был лишь только Бог.

Был я и Бог, и больше никого.

Я был как Бог и был равновелик.

А оказалось, что я был как вор,

Когда года мой статус низвели.

Тогда я понял, и простил, поняв,

Того мальчишку, что ходил как Бог,

Почти что все, но не простил и дня,

Что связан болью, взятою тобой.

Когда-нибудь и мне случайно...

Когда-нибудь и мне случайно

В одной из множества дорог

Попутчик за казенным чаем

Судьбу расскажет, как урок.

И в том предлинном монологе,

Как в дневнике разлук и встреч,

То ни о чем, то вдруг о многом

Узнаю до свершенья впредь.

Мелькнут понуро полустанки,

Поля, леса и города,

И я в попутчике усталом

Себя увижу сквозь года.

Увижу, как в котле волшебном,
Сквер, одинокую скамью,
Двух стариков в убранстве бедном,
Птиц, улетающих на юг.
Увижу желтую аллею,
То здесь, то там рябины гроздь.
И вдруг до боли пожалею,
Что в жизни я всего лишь гость.
Я вскорости сойду.
А поезд
уйдет видением во сне.
Я спохвачусь, но будет поздно.
И снова грустно станет мне.

Метемпсихоз

Я проецируюсь в пространство

Через парсеки и века,

Где космос властвует бесстрастно,

Где жизни пишется строка.

Я проецируюсь незримо

Протуберанцами души

В извечный мир неповторимый,

Чтобы надеяться и жить.

Я расчленяюсь на частицы,

Материалом чтобы стать:

И то ли пищей грубым птицам,

А то ли массой для листа.

Я растворяюсь как-то странно,
Я множусь, брошенный во тьму;
И вот уже – сплошные раны
Среди сплошных смертельных мук.
И злость во всех частях вскипает,
И жалость жжёт сквозь линзу лет,
Но каждый новый день меж пальцев
Сочится пустотой во склеп.
Я вновь материализуюсь,
Чтоб в новом цикле суть познать:
Терзает слух рожденья зуммер,
И я кричу, не помня сна.

Закурю я сигарету...

Закурю я сигарету,

Вспомню долю и недолю.

Что же доля?

Это редко.

Что недоля?

Это долго.

О недоле долго плакать,

А о доле не расскажешь.

То, что было – было ладно,

Чего не было – то сказка.

Сказку сказывать я стану

О дождях, о встречах нежных.

Лишь начну и вдруг устану
От своей мечты-надежды.
Лгать не трудно – трудно верить
И в пустом искать поруку,
А потом похмельной скверной
В оправданье дергать скуку,
Выгонять из сердца призрак,
Обязать замолкнуть совесть.
Это ли недоли признак -
В рану да насыпать соли?
То-то больно, то-то жалко,
Так бы взять да и заплакать,
Душу сжечь святым пожаром -

Высшая за долю плата.

Так вот долю и недолю

Я тяну как сигарету.

Как недолю?

Очень долго.

Как же долю?

Очень редко.

Растоптанный росток...

Растоптанный росток
расстроил до безумья.

Растроченная жизнь
восстала из глубин,

Засыпав пеплом лет
коварно, как Везувий,

Все, что могло бы жить,
чему дано любить.

А где-то ввечеру,
в беспомыслии глубоком,

Красивейший закат
мне душу обагрят.

И станет город вдруг
пристанищем убогим,
Тюрьмой моей души
сквозь красный свет зари.

Но выдавит зарю
мерцающее небо.

И философий жгут
религию совет,

Где жаркие пески
и тут же пахнет снегом,

Где логика – абсурд,
где смерть всегда зовет.

Растоптанный росток

пригрезился ли просто?

Но прошлое моё –

его прямая суть.

Растоптанный росток

уже в далеком прошлом.

Забывать его хочу.

Прошу же – не забудь.

Вода, потянутая рябью...

Вода, потянутая рябью -

Весенней, еще стылой, ранью -

Как бы рифлёное стекло.

В ней солнце бликами зажглось.

Река в распадке. Разлилась.

И словно утверждает силой

Свою над берегами власть,

Купаясь где-то в дымке синей.

Мне хочется на середину -

Как детям в сложный мир войти.

Как будто ждет меня там диво,

Ждет то, что суждено найти.

А ветерок упрямо дует,

Осколки бликов шевеля,

И так легко и чисто думать,

И мыслям нет нужды вилять.

В меня, как праздник вдохновенья,

Вдруг входит, сердце растравив,

И чудо-ветра дуновенье,

И ряби радостный мотив.

И слов твоих напевных роздумь,

Воды рифлёное стекло,

И солнце, что в воде зажглось -

Всё так восторженно, так просто.

Обрывается ниточка жизни...

Обрывается ниточка жизни.

Жёлто-огненный падает лист.

Воском мертвенным светятся жилки,

Что со снегом еще не слились.

Тает свет. Обветшалое небо

Посылает ни дождь, ни туман.

И по листьям из небыли в небыль

Я бреду, как по строчкам в роман.

Мокрым призраком жду вдохновенья,

Чувства прежние в помощь зову,

Осень года кляню за неверность,

В осень жизни взглянув наяву.

И в обманчивость возраста верю,
В свой счастливый удел, в твою честь,
В смерть, в бессмертие, в северный ветер,
Что снежинкой сверкнет на плече.

Сумеречная зона Голливуда

Рыдает ночь кошачьей перебранкой.

Скелет березы просится в окно.

И невозможно с силами собраться -

Закрывать глаза, уставшие давно...

Она приходит судорожным вздохом,

Сам идеал – таких не может быть.

И все предметы оплывают в доме -

Я сам собою в этот миг забыт.

Она подобна сказочному лесу,

Где входит в кровь застывший лунный свет,

Где страх с восторгом – суэта болезни -

Не новый, всепрощающий завет.

Горят глаза, она все ближе, ближе
Смертельной сутью страждущего рта,
И вдруг – о боже! – капля темной слизи
Стекает с губ и тело рвет экстаз,
Черты стареют, плоть, морщинась, тает,
Покрыты плечи клочьями волос,
Кровавят язвы, пучатся суставы -
В глазницах торжествующее зло.
А я – в крови, как будто весь изранен,
Кричу, надеясь, что она во сне...
Рыдает ночь кошачьей перебранкой,
Скелет березы светится в окне.

Причуда августа

Запахи осенние.

Бродит ночь всесильная

Снами и беседами.

Замер лист осиновый.

Влага льнёт испариной.

Голоса вдоль улицы

Затишают парами.

Месяц дымкой жмурится.

Сыплет небо звёздами -

Успевай загадывать.

Я иду за вёслами,

Чтобы плыть за сказкою.

На старик* заброшенный

Проберусь сквозь лилии,

Где гостям непрошенным

Вяжут вёсла листьями.

И на дно ребристое

В лодку навзничь лягу я.

Далеко у пристани

Ночь вздохнула клаксоном.

Звёзды – в дымке матовой

Тихой тайной светятся:

Как алмаз, обманчивы,

Как обман, приветливы.

Притяженье звёздное

Поднимает бережно:

Я уже над вёслами,

Над обрывом берега.

Вижу в лунном зеркале

Лодку неуклюжую:

Птицы плоть презренную

Разрывают клювами.

Страх.

И пробуждение.

Смотрит небо тайное.

Птицы дело сделали

И в ночи растаяли.

Я весь цел-целёхонек,

Но рубаха – клочьями.

Рвёт дыханьем лёгкие,

Стала резвой лодочка.

Голоса на улице -

Прочь мой сон из памяти.

Месяц хитро жмурится,

И на лбу – испарина.

* – старое русло реки.

Весенних запахов разлив...

Весенних запахов разлив

Со снежной свежестью морозной,

Со сладким запахом берёзы

И горьким приозёрных ив

Приходит одурью свиданья,

Лишь только двери приоткрой.

И счастья миг не за горой,

И сокровенным обладанье.

О жизни

В. Стрижаку

1.

Не живём – агонизируем.

На дворе трава,

На траве дрова.

До чего же поразительны

Детские слова -

Правды острова.

И на грани сумасшествия,

Где все трын-трава

Или дрын-дрова,

Ждём повторного пришествия,

Чтоб в костер дрова,

Чтоб росла трава.

А сгорят дрова – не пленница

На дворе трава.

Ну а где дрова?

Носят новые поленницы

На травы права.

Знать, права – дрова.

Ах ты, двор мой, жизнь шутейная -
На дворе трава,
На траве дрова -
Жизнь разгульная, питейная:
Пляшет голова,
А и сам – дрова.

На дворе трава,
На траве дрова...

2.

Еще стакан – и трын-трава. И слово
Уже не жжёт меня, не веселит
Бессмысленной до пошлости основой,
Куражится, незрелой сутью злит.
И нить беседы непрестанно рвётся
И вяжется в спонтанные узлы.
Вот истинно "чем слово... отзовется",
И что обрящете от брошенной хулы.
Так происходит истины глумленье:
Безумства бес, стенающий в ночи
Меж голых стен, ждет неизбежность плена,
Непонятый и загнанный рычит.
И потому еще стакан вдогонку -
Прочь, божество, сидящее во мне!
С тобой так трудно – словно с камнем в гору.

Дай утонуть, хоть на часок, в вине.

3.

Приходи ко мне сегодня,
Может, я не буду пьяным:
Поболтаем, выпьем водки,
Чтоб свои забыть изъяны.
Чтобы стать мерилом мира -
На одной ноге с богами:
Им нектара или мирра -
Нам же розог с батогамми.
Но покуда вечер длится
И в руках поют стаканы,
Дай мне, горькая, забыться
В этом сладостном канкане:
В этой дикой пляске мысли,
В грубой смене настроений,
От приличий дай отмыться,
Отряхнуть пределов звенья.
Приходи, мой друг, сегодня,
Приноси венок из лавра,
Мы с тобою выпьем водки
И поговорим на славу.

Г. Нечаевой

Я почувствовал силу познания

И твою правоту между слов.

Заметалась не фраза под знаками,

Заструилось метафор тепло.

Осязаю пласты и столетия,

И ещё не родившийся смысл,

Как бесформенный хаос.

И следствие

Спеет формой, что сбросила мысль.

И пульсация форм-содержаний,

Как Господь, обретённый не вдруг,

Отнимает меня у державы,

Заронив откровенья искру.

И вчера непонятное прошлое,

Заметавшись под знаками слов,

Заполняет в сознании прочерки,

И вбирает метафор тепло.

А эта встреча – ностальгии взрыв...

А эта встреча – ностальгии взрыв,

Случайный бунт обыденности черствой,

Мне в занавеси щёлку приоткрыв,

Уверила, что виноват я в чём-то.

И это чувство стыдное вины,

И эта радость – прошлого подарок,

И лет пометки, что у глаз видны -

Всё просит искушению поддаться.

Но все слова банальности пустой

Обвили паутиной эту встречу.

А десять лет – как будто целых сто,

И вечность управляет нашей речью.

Всё брошу однажды...

Всё брошу однажды

и просто побуду собою,

Впадая, как отрок,

в безгрешную крайность души.

И в рай перепрыгну,

который всегда за забором,

Как яблоки детства

в моей Богом данной глуши.

Как яблоки детства,

безликую женщину вспомню,

Что страсти учила

в замызганном страстью мирке.

Как поздно прозрел я,
коль поздно все это я понял:

Ведь счастье – журавль,
совсем не синица в руке.

Синица в руке -
это рваная нить ностальгии,

Попытка удерживать -
то, что нельзя удержать.

Синица в руке -
это только укол анальгина,

Иллюзия истины,
что в рукоятке ножа.

Журавль же пойманный -

оборотень – превратится,

Пройдя деградации

вскользь обусловленный путь,

Как путь эмбриона обратный,

лишь только в синицу.

Синица – в открытку,

где росчерк пера – "Не забудь".

Незабудка

Незабудка, незабудочка,

Зацвети по берегам,

Расцвети денечки будние.

Вспыхни в сердце ураган.

Незабудка к незабудочке -

Соберу большой букет...

Что счастливым было в будущем,

В настоящем уже нет.

А. Николаенко

Сегодня дождь с утра и нет просвета

В безбрежной скуке отчужденных глаз.

Лишь тряпкой мокрой бдит над горсоветом

Постылый символ предержавших власть.

Эпоха Лжи – плебейские потуги.

Худой финал в исканьях мудреца -

Урок Земле: здесь есть над чем подумать.

А дождь с утра – ни края, ни конца.

Стекает небо Ноевым потоком

На тротуаров грязные ручьи.

И там кружит и носит изотопы,

Которых в судьбах нет еще ничьих.

Но все в руке карающей во благо;
И скоро город солнечный вдохнёт
Все до конца, и это будет платой
За идолопоклонства лживый мёд.
Кремлёвские мутанты справят тризну.
Народа нет! Да здравствует народ!
О господи, пусть будет проклят трижды
Октябрь тот, семнадцатый тот год.

24 июня 1990 год

О «вечном»

1.

Рука привычно шарит по щеке,
Заранее зная: то, что ищет, есть -
И неизбежно тянется за бритвой.
И та гудит рассерженно в руке
И рвёт, и бреет (по достатку честь),
И будит дом надсадным этим ритмом.
Встает жена затравленным зверьком,
И рядом оживает водопад -
Дуэт клозета с престарелой бритвой.
А вот и чайник – будто со свистком -
За выключенной бритвой не попад

Выводит мелодическую приму.

А там, за ним, кастрюльный перезвон,

Как символ пробуждения от сна,

О пустоте желудка вдруг напомнит.

Вернётся спудом головная боль,

И боковое зрение уснёт

В скорлупке нескончаемой тревоги.

И оживёт в ушах шальной приборой,

И мыслей груды задом наперёд

Сползёт в него бесстрастно и безвольно.

Пульсация в задавленный висок,

Подстать кривым превратностям судьбы,

Безжалостно и больно постучится.

И станут стрелки значимей часов,
И дню, не доходя, прошедшим быть,
И путаница неизбежна чисел.

2.

Но не замедлят свой минуты ход.
Шнурок же рвётся чаще в тот момент,
Когда уж вечность пожралА все сроки:
А что осталось, то ушло вперёд.
И те в ладони несколько монет -
Лишь пот и слезы, в коих нету проку.
А всё ж спешишь, поверив в чудеса,
Не видя глупости в движениях лица,

Распространяя, словно грипп, нервозность.

И слышатся в сознании голоса,

Где меж собою спорят два глупца,

И так, и эдак сотрясая воздух.

Война же – передел, грызня собак.

И это всякий знает назубок,

Боясь до дрожи нудной волокиты,

И потому воюет про себя.

И вряд ли недоволен сам собой,

В кармане фигой говоря, что квиты.

А это сразу видно по глазам,

Как у того, кто в пляжную волну

Вошёл за тем, чтобы в неё пописать

И ощутить блаженство, так сказать.

Но самого себя не обмануть,

Когда себе же посылаешь письма.

3.

Приходит, как, однако, ни крути,

Мгновение – преодолеть порог,

Где равен факт присутствия позору,

Где вязкий шаг коврового пути

Есть тот отрезок, тот предельный срок,

Что делает вошедшего трезором.

А заглянуть за тайную печать,

Чтоб взять там назидательный урок

Есть неизбежность, что диктует время.

И диалог забыт. И помолчать -

Куда надёжней. А преддверья срок -

Всего-то ничего – пустая вредность.

Демцентрализм вещает, что за стыд

Дается хлеб и соль в убогий дом

Замученной презрением Прослойки.

А сигануть, да вовремя, в кусты

И отряхнуться вовремя потом -

Искусство жить и выжить, право слово.

Благовещенье миллениума в Минске

Кончается март нелюбезный

С ветрами как лед по утрам.

Кончается сумрак небесный,

Земле быть невестой пора.

И Вести Благой в ожидании

Желаньями зелень жива.

Погоды же странная данность

Опять превратилась в слова.

Слова философствовать стали:

Что им этот дикий апрель?

Все вдруг поменялось местами:

Седьмое апреля – метель.

Мой Бог, Благовещенье ль ныне?

А может, за мартом – февраль

С метельным промозглым уныньем,

Где "прошлого чуточку жаль"?

Где будущее – не вопросы:

Беззвездная черная ночь.

О будущем думать непросто -

Все думы отправились прочь.

Устала надежда крепиться,

Пришел неожиданно срок

Все камни собрать по крупицам,

Из хитрости сделав урок.

Архангела снежность благая

Накрыла весеннюю пруть.

Пророчество тень налагает,

Пытаясь объятья открыть.

И став одигитрией вечной,

Собрав Божью Весть с Рождеством,

Вселенная явствует свету

Законов Божественных свод.

Я во вселенную – в себя – заглядывал...

Я во вселенную – в себя -

Заглядывал.

Ответы, что дает судьба -

Закладки мне.

На них пометок карандаш -

Да разным почерком.

Моих пометок – ерунда,

И больше порченных.

Хотелось бы весь этот бред

Подправить мне.

Но я у предков – лишь полпред:

Такие правила.

Я снова зажигаю забвения свечу...

Я снова зажигаю
Забвения свечу.
В ней ватную угарность
Почувствовать хочу.
Хочу, чтоб всё, что вижу,
Ушло за окоём,
Чтоб Голос слышать свыше,
Чтоб с Богом быть вдвоем.
Я встану на колени -
И, может, наяву.
Калика я, калека,
Пугающий молву.
Гонимый бранным словом,
Непонятый толпой,
Я оживаю словно,
О Господи, с тобой.
Единственная тема:
Я в Нём и Он во мне.
Жизнь – пляшущие тени
В зашторенном окне.
Там я чужой почти что -
Вуаль важней лица:
Обманутый мальчишка

Во власти подлеца.
Но путь уже прочерчен -
Оскомина в зубах.
Прошу за все прощенья
За всех, но от себя.
Я зажигаю снова
Забвения свечу,
Я открываю слово,
Взлетаю и лечу.

Дорог земных портреты за окном...

Дорог земных портреты за окном –
Пленер вконец испорченной природы.
Окно не засверкает в этом туре –
В пыли и в пятнах мутное оно.
Толчки колёс на стыках двух реалий
Раскачивают маятник-вагон,
И в этот ритм голосом рояля
Бетховенский вливается канон.
Толчки в висках на стыках оппозиций,
Средь звуков неземного рождества.
Гармонии константой отразиться
Пытаются в преддверьи торжества.
И рвётся ритм в сознании полусонном,
И качественный мыслится скачок,
И музыки дрожащей невесомость
Ещё не сообщает ни о чём.
Но, Благодатью* наполняясь, клетки,
Как будто бредят – да воскреснет Он,
Кто окровавлен был и оклеветан,
Кого предрёк и умертвил Закон*.
И Он воскрес. И в смене парадигмы
Воспрянул Космос из небытия
И Новой эры новый серп родился, -

Ловец под ним с кувшинами стоял...
Вагон трянуло. И – о наважденье! –
В пыли и в пятнах мутное окно
Мне открывало месяца рожденье:
Так незаметно наступила ночь.

*Закон – Ветхий Завет

*Благодать – Новый Завет

Тюменская колея

"...чужая эта колея..."

В.Высоцкий

Друзья, товарищи мои,
Я тяжесть вашу не умножу,
Когда скажу о жизни строже,
Где след тюменской колеи.

Та колея питала нас -
Итог стараний и усилий.
Она гордыни дух носила
Вдали от говорливых трасс,

Вдали от грубых, вредных жен,
В плену усталости житейской,
Вдали от бедности злодейской,
Где честь пустой какой-то звон.

Та колея внушала нам
Глухими всплесками цинизма,
Что сущность женщины есть низость,
Что деньги лучшие права,

Что день прошел – и ближе рай
Развратно-водочного блефа,
Что казначейского билета
Всяк ныне здравствующий раб.

Друзья, товарищи мои,
Задворков порченые дети,
Конечно, жизни суть не в деньгах
Глухой тюменской колеи.

А суть – свободы редкий шанс
В углу, где зона видит зону,
Где бичевозные вагоны
Недалеки от шабаша.

Суть – круг застриженной тайги
И свет двенадцативольтовый,
Где проза чувств на все готова,
Где проза слов – и нет других.

И шутки голь – не зло, а так,
И пошлость – как приправа к чуду,
Звучит явлением не чуждым
В дыму, что наддает табак.

Друзья, товарищи мои,

Все наше с нами, жизнь – по кругу.

А колея всему порука:

Нас нет без этой колеи.

Как ни крути, но всё, что с нами – жизнь...

сыну.

Как ни крути, но всё, что с нами – жизнь.

И за неё приходится держаться.

А что до мысли о Господней жатве,

Так ею ли при жизни дорожить.

И как судьбу сознательно творить,

Имея мозг такой несовершенный,

Когда греховней может быть отшельник,

Когда святым и грешник может быть.

Сочатся листья из ветвей тугих,

Набухших соком дерзким созиданья.

И вольно и невольно платой дани

Вновь занят мир, что только что погиб.

И всё на крУги, как ты не крути:

Творит природа брачные союзы.

И снова мальчик с девочкой сольются,

И разойдутся по воде круги.

Как будто в предзакатном вечеру,

Когда в пруду полощет ветви ива,

Когда и без любви всё так красиво,

Ещё любовь пожатьем нежным рук.

Рвёт соловей явившуюся тишь –
Настройщик инструмента рокового:
Душа сжимается, любовь судьбе готова
Очередную жертву принести.
Почти что замкнут старый новый круг,
Готовя почву новому рождению,
Где лунный цикл новые надежды
Внесёт, как свежесть, в старую игру.

Для эпитафии

Я жить не могу без стихов,

Без их молчаливого чуда.

Но я их когда-то предам.

Так некогда предал Адам,

Потом злополучный Иуда,

Готовя эпохи приход.

Моя так же чаша лиха:

Создавших меня я покину -

Закончится мини-виток:

Оставит основу уток,

И ткань распадётся. И глиной

Я стану в творящих руках.

Ах, тема. Как ты не нова.

Крошится под шинами гравий -

Дорога к истокам спешит.

Пора и душе от души

Признаться, что жизни отраву

Скрепляет похмелий канва.

А сердце клокочет в груди

Так жизненно, но запредельно,

Как будто есть выбор другой,

Как будто он – вот, под рукой,

Как будто бы – вот он, радетель.

Ан, глядь... сатана впереди.

Иллюзии брачный исход -

В агонии или в оргазме -

Я б все ж на стихи променял.

Но, жаль, не спросили меня -

Зачали, взрастили, осталось

Великий пройти Переход.

Хоть создан строками любви,

Создавших меня я оставлю -

В том истины брачный залог.

Но за эпилогом пролог,

За смертью рождения тайна

Спешат череп лавром увить.

Не надо томительных фраз -

Мне это поистине чуждо -

Скажите лишь несколько слов:

"Он в жизни не мог без стихов,

Без их молчаливого чуда,

Он в них умирал сотни раз".